

БАЛЛАДА О НЕВЕСЕЛОМ КАБАЧКЕ

Ждан и Смена (прим. к Сов. экрану). — 1990. — 10 июля (№ 29). — С. 11

Представляю, как будет недоумевать режиссер Юрий Копылов, увидев такое название заметок о своем театре. Уж меньше всего, кажется, его спектакли напоминают «кабачок». Трагедия, причем высокая трагедия, на уровне античности и эпохи Возрождения, драма — вот его излюбленные жанры. Электра и Медея — любимые героини. Он и в жизни-то почти никогда не улыбается, всегда угрюмо-серьезен. Будто морально готовится к тому черному дню, когда в Ульяновский драмтеатр, который он сегодня возглавляет, придет единственный зритель — Копылов и тогда покажет ему трагедию, где в чистом виде предстанут перед нашим замученным застоєм и перестройкой соотечественником рок, страсть, добро и зло.

И все же, и все же театр — это ведь еще и кабачок, балаганчик, на вечер ставший для нас храмом. Шут, гениально играющий роль священника. Исповедующийся скоморох. Плачущий Петрушка. А вместо крови — клюквенный сок, при виде которого мы содрогается.

В Ульяновске мы, группа москвичских критиков, приехали как раз тогда, когда там проходила областная партийная конференция. Каждое утро ее участники направлялись к величественному мемориалу, подавляющему своей помпезностью и монументальностью крошечный домик семьи Ульяновых на берегу Волги. Каждый день по городу металась толпа голодных привидений, ибо все многочисленные приличные общепитовские заведения по случаю сбора партия были закрыты на «спецобслуживание». И каждый вечер в театре, куда, к слову сказать, за все время конференции не пришел ни один из ее организаторов и гостей, шли спектакли. Среди них — две постановки режиссера Копылова: «Медея» Л. Разумовской и «Привидения» Ибсена.

Зрителю настойчиво предлагали отрешиться от повседневных забот и окунуться в другую эпоху, другие судьбы. Две женские судьбы — Медея и фру Алвинг. Одна — воплощение страсти, ради которой можно совершить все, даже убить своих детей, другая — воплощение долга, принесшая собственную жизнь в жертву сыну.

В конце семидесятых Копылов работал в Орловском театре. Привычки в Орле тогда были такими же пустыни, как и сейчас в Ульяновске, но и тогда, и теперь режиссера Копылова это абсолютно не интересовало. Он буквально обрушивал на плохо подготовленного и такому количеству зрителей историческую любовь и гибели Электры — и мало-помалу вы тоже забывали о пустых прилавках. Не знаю, хорошо это или плохо, — помню только слезы во время спектакля и боль душевную, которую Иннокентий Анненский в свое время очень точно назвала «мучной идеалом». Вот так вот — нищий город, озлобленные люди, а сердцу-то, оказывается, если что и нужно, то только идеал...

Всю жизнь, по-моему, Копылов тоскует по этому идеалу. И ищет его на сцене. Ищет то, чего нет и не может быть (с точки зрения законов физики и химии) в природе, — шестство, субстанцию в чистом виде. Иногда находит — в воздухе, над руками темнотой Медея, вступающей в единоборство не с Ясоном — с Богом. Что там слабохарактерный, ладный на удовольствия мужчина, раб своих привычек, — разве может он быть достойным соперником? Медея бросает вызов высшим силам, их хочет она одолеть своей любовью и сосредоточенностью духа, и что перед красотой этого вызова ее поражение? Ничто.

К таким же истовым, забытым сегодня натурам относится в копыловском спектакле и фру Алвинг (ее играет актриса К. Шадько). Северная драма Ибсена разыгрывается на сцене по-итальянски шумно и эмоционально, заканчивается же пошеспиловски — смертью всех. Поверьте, что это не корбит и не заставляет сетовать на пресловутое «искажение классики» — это захватывает и убеждает.

В своих спектаклях Копылов только ставит во-

просы. И так же, как мы, чаще всего не может на них ответить. А что он может — так это из хаоса красок, звуков, жестов, из мерцания свечи и шороха падающих штор, из фортепианных аккордов и сдавленного женского крика высечь на сцене заветную искру театральной тайны, когда буфальная жизнь становится реальнее настоящей.

Неверным было бы полагать, будто спектакли режиссера лишены недостатков. И труппа далеко не всегда на уровне предложенных задач, и сам постановщик иногда излишне монотонен, даже скучен в упорном постижении скрытого смысла бесконечно далеких от нас событий. А как, должно быть, нелегко с ним работать — достаточно посмотреть после спектакля на актрису А. Троникую, играющую Медею, увидеть ее белое, изможденное лицо, ввалившиеся глаза, услышать «севший» голос... Но многое прощают и зрители, и артисты — потому что интересно. Потому что и сам режиссер не дает себе пощады, ставя перед собой и перед театром все более и более сложные, труднодостижимые цели. Потому что всех вокруг заставил поверить Екклесиасту: «Сердце мудрых — в доме плача, а сердце глупых — в доме веселья».

И все же, и все же театр — это еще и игра, веселье, праздник. Ему нелегко все время жить на изурнах. Ему так хочется хотя бы ненадолго снять их — и пуститься в пляс! Надо сказать, что на сегодняшний день в Ульяновском театре и «пляс» довольно серьезный, осененный портретами Сталина и Гитлера, как в остроумном, ярком спектакле по пьесе С. Мроженка «Игры с привидениями» (режиссер В. Климовский).

И здесь возникает серьезная проблема. С одной стороны, подвиги и служение Юрия Копылова театру больших страстей и высоких чувств ничего, кроме уважения и восхищения, не вызывает. Обязательно сегодня, когда неизбежный рынок стучится во все двери и соблазняет сцену большими доходами при малых затратах. К Копылову будут и будут ездить, как ездили и нему вчера в Орел и Владимир те, кто исповедует тот же театр, что и он сам. Ездить, как паломники — в Оптину Пустынь. С другой стороны — до чего же больно видеть полупустые залы на его спектаклях! Не призываю, понятное дело, устранять в фойе дискотеку или раздвигать на сцене актрис, но призываю задуматься: нужен ли театру зритель? Или он способен жить сам по себе, рассчитывая на преданное внимание немногочисленных друзей?

Иногда думаешь: все мы все-таки чересчур серьезны. Слишком серьезно относимся к жизни, выживая из нее высший смысл, почти как алхимики — золото из философского камня, пренебрегая всем остальным ее содержанием. Безоглядно верим чужим идеям, доказывая их сомнительную правоту всему миру на полном серьезе, не щадя живота своего. Конечно, нам привычнее плакать, чем смеяться, свойственное терзать себя и своих ближних, нежели прощать. И театр, любимый нами — опять-таки по большому счету, — серьезен, суров, нелюбим. Спасение он видит в очищающем душу страдании. Кто знает, вернутся ли когда-нибудь в него радость, беспричинное на первый взгляд ощущение счастья от того, что открылся наконец славный и развеселый кабачок, балаганчик и на дощатый помост вышел актеры...

Нина АГИШЕВА.
(Спец. корр. «ЭС»).

ульяновск.

● Сцена из спектакля «Привидения».

